

товая диагностическая система, гибридное транспортное средство, необслуживаемая аккумуляторная батарея и др.

Термины, имеющие в своем составе четыре компонента немногочисленны и используются в автомобилестроении достаточно редко. Например: *шарнир равных угловых скоростей, характеристики увода пневматической шины, электрогидравлический усилитель рулевого управления*.

Выводы

Морфологическое терминообразование является достаточно продуктивным в русском языке, однако при рассмотрении исследуемой микросистемы чаще всего отмечается образование терминов при помощи интернациональных словообразовательных элементов, в числе которых наиболее распространенными являются морфемы *анти-, гидро-, электро-* и др. Например: *электромотор, электростартер, электромобиль, гидропривод, антикрыло, антирадар* и др. Сам процесс формирования и фиксации терминов является весьма сложным и требует большого внимания ученых, поскольку происходит постоянный анализ уже имеющихся и только поступающих в автомобильную лексику терминологических образований, идет выбор удачных словообразовательных элементов для создания новых терминов, становящихся общими для всех языков.

Литература

1. Зайцева Т.Н. Влияние социальных факторов на языковые изменения в сфере современной экономической терминологии // Известия МГТУ «МАМИ». 2010. № 1. с. 232-234.
2. Анохина Т.Я. Роль словарей в формировании языковой компетенции будущих инженеров (на примере русского языка). М., Журнал Известия МГТУ «МАМИ», № 2(14), 2012.

Пути и способы преодоления социального зла в русской философии

к.ф.н. доц. Баркова И.Н.

Университет машиностроения
8 (499) 267-16-40, barkova.in@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены пути и способы преодоления социального зла на примере философских идей, которые легли в основу идейного спора философов Л.Н. Толстого и И.А. Ильина.

Ключевые слова: добро, социальное зло, нравственное совершенствование, непротивление злу, «путь меча», революционизм

Настоящее время, отмеченное масштабными социальными и духовными коллизиями, стимулирует повышенный интерес общества к осмыслению собственной истории и прогнозированию на базе этого осмысления путей духовного и нравственного развития. Потребность общения с мыслителями прошлого становится всё более острой по мере углубления нашего самосознания до общечеловеческих проблем. К их числу относится и проблема борьбы со злом, которая является не только коренной, жизненной проблемой человеческого бытия, но и одной из важнейших этических проблем. В этой связи целесообразным и теоретически плодотворным представляется исследование воззрений русских философов, которые всегда подходили к рассмотрению общественного бытия с этической позиции, под углом зрения борьбы добра и зла.

Большое место в размышлениях философов занимала проблема несправедливости, зла в общественной жизни и путей искоренения неправды посредством внутреннего нравственного совершенствования или насильственного преобразования общественных форм. Они сходились на том, что попытка быстрого и радикального устранения зла обычно приводит к таким реформам, которые одно зло заменяют другим. Франк по этому поводу заметил, что «зло, так сказать, только перекидывается из одной сферы или формы общественных отношений в другую, но не уничтожается» [9]. Известны исторические примеры колебания политической жизни «от крайнего деспотизма до крайности анархической свободы и обратно, - писал Франк, – или от крайности политического неравенства, бесправия низших слоёв народа

до крайности охлократии, подавления высших, более образованных слоёв, носителей духовной и общественной культуры, массой или чернью» [9].

В русской философии обсуждались возможности разных путей преодоления социального зла: путь нравственного самосовершенствования человека и непротivления злу насилем; путь сопротивления злу силою, допускающий, в свою очередь, либо правовое ограничение преступлений и проведение тщательно подготовленных правительством реформ, либо революционное ниспровержение существующего порядка снизу. Первый путь обосновывался Л.Н. Толстым и составлял главное содержание его моральной философии. Толстой твёрдо верил в объективный закон добра, связывающий людей, и в безусловное подчинение этому закону всех личных и общественных отношений. Абсолютный индивидуализм, как и абсолютный коллективизм, ему чужд и непонятен. В основе мирозерцания Толстого лежало не личное или общественное начало, а христианское, идея божественной первоосновы мира. Этот тезис он проводил с такой последовательностью, что вся сфера временного и относительного перед этим теряла значение. Отсюда вытекала сила его воодушевления и вера в обязательный нравственный прогресс и неизбежное построение земного рая. Сам Л.Н. Толстой так выражал основное своё воззрение на жизнь: «Я живу затем, чтобы исполнять волю Пославшего меня в жизнь. Воля же его в том, чтобы я довёл свою душу до высшей степени совершенства в любви и этим самым содействовал установлению единения между людьми и существами в мире» [7]. Смысл жизни, по его определению, заключается в том, «чтобы установить царство Божие на земле, т.е. заменить насильственное, жестокое, ненавистническое сожительство людей любовным и братским» [5].

Для самого Толстого весь мир переродился с тех пор, как он ощутил в себе Бога в виде любви. Отсюда он ждал и перерождения всего человечества, так как процесс внутреннего совершенствования, рост любви в личности не замыкает её в себе, а, наоборот, выводит из себя. Истинное благо для человека состоит в личном самосовершенствовании, но оно достигается только тогда, когда человек признаёт себя способным усовершенствовать весь мир и стремится к этому [7]. На вопрос – как осуществляется нравственный прогресс – Толстой отвечал: совершенствованием личности, которое в то же время есть и совершенствование общества. Стремление к идеалу высшего совершенствования уничтожает разобщённость и притягивает людей друг к другу. «Единение, – писал он, – есть ключ, освобождающий людей от зла. Но для того, чтобы ключ этот исполнил своё назначение, нужно, чтобы он был продвинут до конца, до того места, где он отворяет, а не ломается сам и не ломает замок» [8]. Но эта уверенность, что только полное и всецелое единство спасёт людей от зла, побуждала Толстого отрицать всякие союзы во имя ограниченных частных целей, «такие соединения не только не содействуют, но более всего препятствуют истинному прогрессу человечества» [8]. Именно страстное желание всецелого и безусловного обновления, жажда общей жизни по закону любви отвращала Толстого от обычной общественной деятельности, в которую он не верил. Когда он разбирал доводы против упразднения государства и права и высказывался в пользу чисто субъективных путей нравственного порядка, самым главным его основанием служила вера в неукоснительный моральный прогресс, для которого не нужно никаких внешних опор. На вопрос Гегеля, как обеспечить моральный прогресс, Толстой отвечал, что он обеспечен и так, что силою жизни, руководящейся велениями высшей Воли, этот прогресс совершается сам собою неуклонно и безостановочно. И поэтому он так решительно отрицал необходимость внешнего содействия моральному развитию человечества, не принимая внешние общественные формы. Эти формы и конкретные пути общественного прогресса казались ему несовершенными и далёкими от идеала, а также и бессильными что-либо прибавить к бесспорному действию закона любви. Бессилию внешних реформ Толстой противопоставил всемогущее действие внутреннего перерождения и заповедь: «ищите царства Божия и правды Его, и всё остальное приложится вам» [6]. Свою этику самосовершенствования человека Л.Н. Толстой строил на отказе от какой-либо борьбы, на принципах непротivления злу насилем и всеобщей любви.

Решительным оппонентом Толстого стал И. Ильин. По его словам, люди, разделяющие

позицию непротivления, «отвёртываются от зла и предпочитают не видеть его»... , они ссылаются на непозволительность судить ближнего, или начинают исповедовать, что зло вообще не присуще людям [3]. Ильин никоим образом не отрицал значения внутренних нравственных усилий, но для него важно было понять, смеет ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силой и мечом [3]. Зло, как и добро, полагал Ильин, есть состояние душевное и духовное. Оно возникает и созревает в таинственной глубине личной души и потому неискоренимо извне: «Зло, есть злая воля и злое чувство; и лишь потом – злое внешнее дело и система злых внешних поступков. Победить зло, значит в последней инстанции – умалить его, растворить его, преобразить его. Победить зло не значит пресечь его внешние проявления или испугом, угрозой, тюрьмою удержать злую волю от внешних проявлений» [3]. Чтобы иметь неопровержимое право сопротивления злу, необходимо удостовериться, считал Ильин, во-первых, что это подлинное зло. Налицо должна быть злая человеческая воля, направленная против духа и его свободы, против живого и любовного единения людей (противодуховная и противолубовная воля). Там, где такая злая воля «выступает в качестве внутренне одержимой внешней силы, где она проявляется как духовно слепая злоба, ожесточенная, агрессивная, бесстыдная, безбожная, духовно растлевающая и перед средствами не останавливающаяся – сопротивление злу пресекающей силой становится не правом человека, а его обязанностью» [3]. Такое сопротивление не уничтожит злую волю, но она будет или обращена в себя и пересмотрит свою природу и мотивы, или она лишится возможности довершить злой замысел внешними действиями. Увидеть реальное зло способен тот, кто испытал зло, кто воспринял, но не принял его, кто получил следы зла, но не отвернулся и не спрятался от него «приобрёл силу видения и обязанность судить» [3]. Условием борьбы со злом Ильин считал подлинную любовь к добру, умение оценивать поступки других. Есть люди, которые к добру и злу «постыдно равнодушны», ничего не любят и безучастны ко всему. Право на противодействие имеет тот, «для кого вопрос о победе добра или зла есть вопрос его личного бытия и небытия. Подлинное сопротивление злу ставит человека перед вопросом о жизни и смерти; требует от него ответа – стоит ли ему жить при наличии победы зла и как именно он будет жить для того, чтобы этой победы не было» [3]. Только так чувствуя проблему, имеешь право для её верного решения. Однако нужно не только любить то, что оказывается под ударом, но и иметь способность к волевому действию – не только к внутреннему выбору, но и его реализации. Способность к волевому действию предполагает участие в мировом историческом процессе, который всегда есть борьба; человек не может не любить, не решать и не напрягаться, содействуя одному и препятствуя другому» [3]. Сопротивление злу внешним пресечением действительно необходимо, если у человека нет внутренних мотивов к насилию и исчерпаны все другие средства обуздания зла. Тогда и только тогда физическое воздействие становится необходимым.

Обсуждая проблему непротivления торжествующему злу, Ильин видел два выхода, которые даются человеку: 1) потакающее злу бездействие (отказ от борьбы, отход в сторону, применение средств, которые заведомо неэффективны и т.п.); 2) физическое сопротивление (пресекающая борьба).

Ильин не соглашался с Толстым, что сам пример верного служения добру ведёт к изживанию зла. Автор учения о непротivлении злу насилием надеялся на то, что человек, приближаясь к совершенству, обретает духовное могущество, и зло не может перед ним устоять, он способен остановить злодея одним взглядом, словом, жестом. Эта благородная, но наивная мечта, по мнению Ильина, «несостоятельна духовно потому, что обращение и преобразование злодея должно быть его личным, самостоятельным актом, ...а не отблеском чужого совершенства» [3], - он должен сам захотеть измениться, отказаться от дурных замыслов. Но духовная сила праведника имеет предел перед лицом существующего злодейства. Есть много примеров, когда праведники были замучены и истреблены так и не преобразившимися преступниками. Толстовство, доказывал Ильин, основывалось на идеализации человеческой природы: все милые и хорошие, все расположены к доброте, злодеев, которых надо наказывать, судить, просто нет. Согласно Толстому, сопротивление злу насилием есть оправдание

людьми дурных привычек и любимых пороков: мести, зависти, злости, гордости, властолюбия, трусости и т.п. Но вся история человечества опровергает это воззрение, она дала нам опыт зла в огромном масштабе. История – это прежде всего трагедия, требующая зоркости, воли и поступков – и именно этого ожидал от личности Ильин. Он видел и другую моральную сторону борьбы со злом, вытекающую из применения насилия: «путь меча» – это в принципе несправедливый путь, берущий меч обрекает себя на несправедливость. И в этом есть подвиг. Подвиг не столько в самой борьбе, сколько «в том духовном напряжении, которое необходимо для открытого и выдержанного приятия возможной вины. Напряжение духа нужно здесь не только для того, чтоб убить злодея, но и для того, чтобы вынести свой поступок и пронести через жизнь совершенное дело, не роняя своего поступка малодушным отречением от его необходимости, но и не идеализируя его нравственного содержания. ...И в этом исходе, в этом героическом разрешении основной трагической дилеммы – он не праведен, но прав» [3].

Ильин был уверен, что сопротивление злу насилием – необходимое условие человеческой жизни. Конечно, это не есть «нравственно лучшее» в отношении человека к человеку, но такое «нравственно не лучшее» всё-таки необходимо в жизни людей. «Не всякий способен взяться за меч, и бороться, и остаться в этой борьбе на духовной высоте. Для этого нужны не худшие люди, а лучшие, люди, сочетающие в себе благородство и силу; ибо слабые не вынесут этого бремени, а злые изменят самому призванию меча» [3], - писал Ильин, делая акцент на нравственных коллизиях применения неизбежного насилия.

Допуская человеческую активность и подвижность в сражениях со злом, Ильин имел в виду правонарушения, отпор внешним агрессорам и внутренним экстремистам, посягающим на устои общества. К допустимым, с либеральной точки зрения, актам сопротивления несправедливости русские мыслители Чичерин, Соловьёв и др. относили также проводимые правительством реформы (например, отмену крепостного права), которые тоже нарушали привычный уклад и вызвали недовольство разных слоёв населения. Совсем иначе оценивали они революционный путь искоренения несправедливости.

По словам Новгородцева, всё в старом мире революционеры считали реакционным, зловещим, порочным, служащим препятствием к всеобщему счастью и гармонии. Революционизм опирался на убеждение, что зло и страдание могут быть побеждены путём рациональной реорганизации общества, ибо зло связано «лишь с несовершенством учреждений и с неразумием отношений» [4]. Революционеры жаждали полного и всецелого искоренения неправды, но предложенный ими путь приводил к самым тяжким и ещё более невыносимым бедствиям. Революционный проект, по убеждению Новгородцева, означает «гордое самообольщение ума человеческого, возмечтавшего о своём всемогуществе и отпавшего от органических сил и начал мирового процесса» [4]. Проблемы социального зла нельзя решить таким путём, нельзя всё несовершенство жизни относить за счет власти. Как писал Бердяев, «нет уже самодержавия, а русская тьма и русское зло остались. Тьма и зло заложены глубже, не в социальных оболочках народа, а в духовном его ядре» [1]. Экстремисты, избравшие путь террора, пошли не вперёд, творя «царство Добра и Красоты», как учили социалистические пророки, а назад, «к временам пещерного быта и звериных нравов». По свидетельству Изгоева, «никогда Русь не сквернилась таким количеством злодеяний, лжи, предательства, низости, бездушия, как в год революции» [2].

Откуда же брался носитель страшного зла? Авторы сборника «Из глубины» объясняли массовое одичание отказом от религии, которая традиционно поддерживала мораль в обществе. Освобождаясь от Бога, человек превращался в дикое и злое животное. «Человек человеку волк – вот основной девиз царства социализма, - писал Изгоев. – Сотрудничество и общность были лишь во время преступления. После него, при дележе добычи, каждый думал лишь о себе, сталкивая с дороги более слабого или неопытного. Стадо волков, вырывающих друг у друга добычу» [2]. Все декларации о рае земном являлись лишь аккомпанементом к сценам первобытного каннибализма. Люди, которых социалисты освободили от христианской морали, «оказались даже не людьми, а кровожадными, хищными зверями, опасными

для всякого человеческого общежития» [2]. Такой путь, разрушающий государство и мораль, расшатывающий все основы человеческой жизни, вырывающий на поверхность низменные стремления людей, несущий хаос неустроенности, в котором уже не видно дороги в царство обещанного Добра, – такой путь русские мыслители не могли признать плодотворным. В отрицании революционного насилия, рационалистического утопизма и безответственного потрясения духовных основ общественной жизни особенно ярко выразилась либеральная направленность русской мысли.

Выводы

Сегодня актуальность проблемы преодоления зла определяется тем духовным кризисом, в который оказалось ввергнуто человечество – смена моральных приоритетов, разрушение личности. Поэтому многие проблемы духовной культуры и философии, особенно те, которые имеют непосредственное отношение к идеалам добра и зла, наполняются новым содержанием, получают новое значение и требуют предметного пересмотра. Однако необходимо отметить, что в настоящее время, в соответствии с изменившимися жизненными реалиями, включающими в себя угрозу глобальной катастрофы, вне ненасильственной перспективы невозможна гуманизация человеческих отношений и развитие цивилизации.

Литература

1. Бердяев Н.А. Духи русской революции. // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1990.
2. Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм. // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1990.
3. Ильин И. О сопротивлении злу силой. // «Век XX и мир». № 8, 1991.
4. Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции. // Из глубины. М. 1990.
5. Сочинения графа Л.Н.Толстого. Изд. XII. М., 1911. Ч XIX. «О смысле жизни».
6. Сочинения графа Л.Н.Толстого. Изд. XII. М., 1911. Ч XVI. «К рабочему народу».
7. Сочинения графа Л.Н.Толстого. Изд. XII. М., 1911. Ч XX. «Для чего мы живём».
8. Сочинения графа Л.Н.Толстого. Изд. XII. М., 1911. Ч XX. «Славянскому съезду в Софии».
9. Франк С.Л. Духовные основы общества: Введение в социальную философию. // Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли, 1991.

Автомобильные общества России и Первая мировая война

к.и.н. доц. Грико Т.И.

Университет машиностроения
kogri12@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена деятельность таких общественных организаций дореволюционной России, как автомобильные общества и клубы в специфическое время Первой мировой войны, проанализировано их участие в деле обороны страны.

Ключевые слова: автомобиль, автомобильные общества, автомобильная промышленность, Первая мировая война

В 1914 г. человечество будет вспоминать печальную годовщину – столетие начала Первой мировой войны, которая, как и всякая война, потребовала напряжения всех сил воюющих держав, привлечения к работе на оборону многочисленных государственных и общественных структур. Данная статья посвящена частному вопросу: участию в деле обороны таких общественных организаций, как Российские автомобильные общества и клубы.

Автомобиль появился в России в конце XIX в., быстро получил распространение и завоевал популярность. К 1914 г. в Петербурге насчитывалось 2,6 тыс. автомобилей, в Москве – 2,2 тыс., в Киеве – 1 тыс., в Харькове – 800, в Риге – 500. Владельцы автомобилей, любители автомобильного спорта, стали создавать общественные организации – автомобильные общества и автомобильные клубы.